

БИРЖЕВЫЯ ВЪДОМОСТИ

Подписныя цѣны

Съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ перес. въ Россію для разн. мѣстъ	Съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ перес. въ Россію для разн. мѣстъ	Съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ перес. въ Россію для разн. мѣстъ
УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ	УТРЕННІЙ ВЫПУСКЪ	ВЕЧЕРНІЙ ВЫПУСКЪ
на годъ 15 руб. — коп.	на годъ 10 руб. — коп.	на годъ 6 руб. — коп.
6 мѣс. 7 50	6 мѣс. 5 —	6 мѣс. 3 —
3 75	3 2 50	3 1 50
1 25	1 — 85	1 — 50

Переноска abroad 25 коп. ♦ Адресъ для телегр. извѣщеній.
 ТЕЛЕФОНЫ: Редакція Утр. вып. № 426—55. Веч. вып. № 426—55. 430—22. Телеграфы № 28—44.
 Главн. Конторы № 602. Невское Отдѣленіе Конторы № 25—22.

УТРЕННІЙ ВЫПУСКЪ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

основана С. М. Пропперомъ.

Объявленія: Утренній выпускъ: первая страница—75 к., вторая—30 коп.
 Вечерній выпускъ: первая страница—75 к., вторая страница—35 к., третья—40 к., четвертая—45 к.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Галерная ул., д. № 62.
НЕВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Васильев., № 50 (уголъ Садовой).
 ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ для переписки подписчиковъ въ СІБІРЬ: 1) Н. О. 1-я ул., д. № 4, при помещ. нар. Н. Д. Писемскаго; 2) Омскъ, ул. Телеграфическая ул., д. № 22, при помещ. нар. Писемскаго; 3) Иркутскъ, ул. Базарная ул., д. № 4, при помещ. нар. Писемскаго; 4) Уфа, ул. Садовая ул., д. № 4, при помещ. нар. Писемскаго.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ въ Москвѣ: Турская ул., д. № 22, тел. 225-02.
 Статьи, корреспонденція и прочія извѣстія съ извѣщеніемъ редакціи, доставляемыя на имя гл. редактора, принимаются только въ оригиналѣ и съ извѣщеніемъ автора, отъ котораго не принимаются. Переписки редакціи для Главнаго издателя.

№ 14282. Среда, 2-го (15-го) Іюля 1914 г.

Годъ XXXIV изданія.

отдѣльные ЛЖ въ спл. 3 коп., въ провинціи 4 коп.

ЗЕМЛѢ ЗЕМНОЕ.

(Къ 10-лѣтію смерти А. П. Чехова).

I.

Со студенческихъ дней на всю жизнь запоминается не болѣе трехъ—пяти незабываемыхъ лекцій. Помню одну. Профессоръ увлекся. Можетъ быть, онъ просто фантазировалъ безъ подготовки. Такъ это было живо, горячо, мало похоже на лекцію.

Говорилъ онъ (кажется, по поводу Толстого) о физическомъ безсмертіи, о царствѣ Божіемъ на землѣ. Не о томъ, о которомъ мечтаютъ богословы и котораго вѣрующіе ждутъ «во гласѣ архангела», а о простомъ, реальномъ земномъ царствѣ, о естественномъ, физическомъ долготѣи-безсмертіи, какое, можетъ быть, нѣкогда добудутъ себѣ люди.

Человѣчество поднимается. Маленькое вегетаріанство не начало-ли великаго подъема уваженія къ жизни? Человѣкъ перестанетъ убивать животное и себя. Великія изобрѣтенія, обезсмысливъ войну, убьютъ гидру милитаризма. Какъ теперь прививаютъ оспу, будутъ прививать тифъ, ракъ и сифилисъ. За Мечниковымъ придетъ десять другихъ. Питаніе пилюлями, вводящими въ организмъ ни больше ни меньше бѣлка, фосфора, извести, чѣмъ нужно, парализуетъ страшную власть желудка. Еще и еще комбинируются факты. Человѣкъ близится къ той грани, о которой онъ мечталъ когда-то. —Eritis sicut dei.

Если кто въ литературѣ страстно мечталъ объ этомъ царствѣ, это—Чеховъ. Широкій, прекрасный, вольно берущій всѣ впечатлѣнія бытія, онъ, конечно, вычеркнулъ бы отсюда только пилюли. Вѣдь, это онъ поправилъ Толстого, что три аршина земли нужны человѣку мертвому, — живому нуженъ весь міръ. Но въ своей постоянной

грезѣ о какой-то необыкновенной жизни, о какомъ-то грядущемъ царствѣ, онъ, вѣроятно, часто останавливался на этихъ подсказахъ науки. Кто другой такъ восторженно любилъ землю, здороваго человѣка, здоровыя чувства, съ такимъ легкимъ сердцемъ отбрасывалъ въ сторону, какъ ненужное, всякую мистику, міровыя тайны, міровыя скорби и удовлетворенія!

II.

— Я не знаю, что такое вѣчность, — сказалъ однажды Чеховъ Меншикову. — Я себѣ объ этомъ ничего не представляю. Жизнь за гробомъ для меня что-то застывшее, холодное, нѣмое.

— Какая бы великолѣпная заря ни освѣщала вашу жизнь, — говоритъ чеховскій Андрей Ефимовичъ въ «Палатѣ № 6», — все же, въ концѣ концовъ, васъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

— А безсмертіе?

— Э, полноте!

— Ну, а я вѣрю. Я глубоко вѣрю, что если нѣтъ безсмертія, то его рано или поздно изобрѣтетъ великій человѣческій умъ.

Въ Чеховѣ было нѣчто языческое, въ смыслѣ радостнаго воспріятія міра, безъ оглядокъ въ мистическую тьму прошлаго, безъ стремленій найти впереди «прорывъ въ вѣчность». Такъ и въ жизни для него природа была выше исторіи. Суворинъ рассказываетъ, что, когда они пріѣхали въ Римъ, и онъ, Суворинъ, поманилъ спутника перспективами сейчасъ же увидѣть форумъ, амфитеатръ, колизей, Чеховъ легъ на какой-то белонѣющій пригорокъ, гдѣ то подъ го-

родомъ, и эту траву, небо, солнце предпочелъ всему остальному Риму и міру.

Отъ природы позитивный умъ, по образованію медикъ, при всѣхъ особенностяхъ своего образнаго мышленія, Чеховъ просто не могъ себѣ представить иной жизни и иной прелести жизни внѣ существующей земной красоты. Онъ предпочелъ бы быть, какъ герой Горькаго, маленькимъ, плохенькимъ карликомъ на землѣ, чѣмъ Гекторомъ въ царствѣ тѣней.

III.

Изъ писателей реального, земного, языческаго склада Чеховъ одинъ изъ самыхъ реальныхъ, самыхъ земныхъ. Каждая букашка на этой землѣ его умиляла. Даже грѣхъ, если онъ былъ прекрасенъ, Чеховъ и прощалъ и идеализировалъ. Почти не разбираясь въ этомъ, какъ моралистъ, и не отдавая себѣ отчета, онъ готовъ былъ признать, что неправда выше правды, если первая красива, а вторая безобразна. Засасывающий грѣхъ онъ умѣлъ живописать въ заражающей обаятельности («Тина»). Молодое и прекрасное женское начало онъ радостно бросалъ въ такія же объятія молодости, не боясь, что обыденная человѣческая мораль, конечно, осудитъ жену за измѣну старому мужу. («Вѣдьма»). Онъ терпѣть не могъ ходячихъ добродѣтелей и «идей на человѣческихъ ногахъ» и вышучивать ихъ такъ, что либеральные критики становились въ позу чистаго недоумѣнія. (Львовъ въ «Ивановѣ»).

«Такъ называемая дѣтская чистая жизненная радость—написалъ онъ въ своей записной книжкѣ,—есть животная радость», и эту радость онъ спокойно, смѣло и вслухъ считалъ высшимъ идеаломъ жизни. Какъ ни вчитывался въ него Михайловскій, не могъ понять, гдѣ его Богъ, какіе его идеалы. Тотъ былъ совсѣмъ другого поколѣнія, совсѣмъ другого литературнаго воспитанія. Въ прошломъ онъ зналъ образы литературнаго мученичества, какъ Гоголь, Чернышевскій, Достоевскій. Еще дальше ему рисовались Байроны, Шиллеры.

Михайловскій примѣнялъ къ Чехову названіе его же собственнаго разсказа «Хо-

лодная кровь»,—того, гдѣ гуртовщики гонятъ скотъ, и несчастныя животныя изнываютъ въ жаждѣ и тѣснотѣ. «Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ. Чеховъ не живетъ, а такъ себѣ гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватываетъ то одно, то другое».

Ему хотѣлось бы, чтобы Чеховъ былъ мученикомъ, какъ Радищевъ, трибуномъ, какъ Герценъ, пророкомъ, какъ Гоголь. Чеховъ былъ—Чеховъ, сынъ солнца, свободный трубадуръ, свѣтлый любовникъ земли.

Когда Чеховъ умеръ, когда огромные размеры его таланта покорили ему всѣ сердца, теоретики искусства поспѣшили найти у него и идеи, и идеалы, и Бога. Писатель, вообще богатый мыслями, даетъ превосходный матеріалъ для такой словесной эквилибристики. Но все-таки старикъ Толстой остался порадо болѣе правъ, чѣмъ безчисленные истолкователи Чехова.

— Авторъ долженъ вести читателя за собой, куда онъ хочетъ, и не позволять оглядываться по сторонамъ. Онъ долженъ вести его за своимъ героемъ впередъ и впередъ. А куда я пойду за вашимъ героемъ? Съ дивана до... и обратно, потому что ему и ходить-то больше некуда. Куда какъ интересно!

И Толстой смѣялся и смѣялся Чеховъ. И говорилъ П. П. Пнѣдичу:

— Пишешь пьесу, уводишь со сцены героя и сейчасъ Левъ Николаевичъ вспомнится. «Куда онъ пошелъ?»,—сидишь одинъ, и зло разбираешь.

IV.

Чеховъ былъ сынъ своего времени. Еще отцы этого поколѣнія растерялись на перепутьи, позабыли, гдѣ красный уголъ,—куда идти, на кого молиться. Уже отцы разучились дѣлать дѣло и въ лучшемъ случаѣ пробавлялись фразами, разговорами, пафосомъ поворучовъ.

Чуждый всякаго шарлатанства, Чеховъ рѣшительно, съ отвращеніемъ и конфузомъ, отстранялъ отъ себя всякую роль учительства. Тысячи разъ онъ заявлялъ, что въ безтолочи жизни самъ понимаетъ рѣши-

тельно столько же, сколько тѣ растерявшіеся, которые къ нему идутъ. Нельзя было болѣе сконфузить его, какъ притти къ нему на изліяніе, на исповѣдь, «какъ къ старцу», какъ приходили къ Достоевскому, Толстому, Лѣскову.

Чеховъ не только не умѣлъ возвышенно говорить объ идеалахъ, увлекать зрителя или читателя на какую-нибудь бѣру, на протестъ, но рѣшительно не выносилъ сколько-нибудь приподнятаго темпа въ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Самое большее онъ могъ просто, по-человѣчески пожалѣть.

И. Н. Потапенко только что напечаталъ воспоминанія, гдѣ онъ рассказываетъ, съ какимъ чувствомъ улыбки, почувшій солнце, Чеховъ неукоснительно убѣгалъ всякій разъ оттуда, гдѣ отъ него ожидалось какое-нибудь торжественное выступленіе, какая-нибудь «роль». Такъ онъ убѣжалъ изъ Москвы, когда Лавровъ съ редакціей «Русской Мысли» затѣвалъ торжественный пріемъ Григоровича и, разумѣется, выдвигалъ Чехова въ качествѣ первой пушки.

Чеховъ могъ сойтись съ человѣкомъ, полюбить его, но потомъ просто не выносить его приподнятости и романтизма. Потапенко не называетъ имени одного изъ его пріятелей, но, несомнѣнно, говоритъ о Щегловѣ, когда описываетъ, какъ Чеховъ однажды тоже буквально убѣжалъ въ свою деревню, узнавъ, что собратъ собирается притти къ нему на весь вечеръ. Онъ положительно не могъ выносить его «трагическаго смѣха».

У.

Щегловъ былъ живымъ воплощеніемъ Павла Вирсанова. Онъ неизбежно перенесъ бы Чехова, — котораго горячо любилъ, а по смерти прямо канонизировалъ, — въ такъ фальшиво для него звучащую атмосферу былого краскобайства. Щегловъ былъ бы искрененъ въ своемъ идеализмѣ, въ своихъ преувеличенныхъ словахъ о писательствѣ, о трагической юмористикѣ жизни, о паденіи нравовъ, о своихъ замыслахъ и т. д. Но съ Чеховымъ это былъ бы — разговоръ ребенка съ взрослымъ. И Чеховъ

ушелъ. «Онъ найдетъ меня и будетъ смѣяться. Вѣдь онъ юмористъ и ужасно любить смѣяться, а это трагедія!». И въ тотъ же день Чеховъ уѣхалъ въ деревню, хотя въ Москвѣ у него было дѣло.

По совершенно аналогичному настроенію Чеховъ буквально увядалъ, поникалъ, замиралъ, какъ только къ нему подходила не обычная, будничная, но чуть-чуть приподнятая праздничная жизнь со своимъ пафосомъ. При первой торжественной нотѣ, онъ, разговорчивый, шутливый, содержательный, ежилъ, какъ улитка. Это рассказано десятками его знакомыхъ. Одинъ изъ тысячи такихъ случаевъ записываетъ онъ самъ въ своей записной книжкѣ:

«Пріѣзжаю къ знакомому, застаю ужинъ, много гостей. Очень весело. Мнѣ весело болтать съ сосѣдками и пить вино. Настроеніе чудесное. Вдругъ поднимается Н, съ важнымъ лицомъ, точно прокуроръ и произноситъ въ честь мою тостъ. «Чародѣй слова... идеалы... въ наше время, когда идеалы потускнѣли... разумное, вѣчное...» У меня такое чувство, точно я былъ накрытъ раньше колпачкомъ, а теперь колпачекъ сняли, точно въ меня прицѣпились. Послѣ тоста чокались. Молчаніе. Пропало веселье. — Вы теперь должны сказать, — говорить сосѣдка. Но что я скажу? Я охотно бы пустилъ въ него бутылкой. И спать ложусь съ осадкомъ въ душѣ. Смотрите, господа, какой дуракъ сидитъ среди васъ!...».

VI.

Въ своихъ разсказахъ, какъ и въ жизни, Чеховъ просто не умѣлъ, не могъ говорить возбуждающихъ рѣчей, призывать къ энтузіазму, манить на высоты.

Онъ былъ того поколѣнія, которое на всякій энтузіазмъ отвѣчало улыбкой. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ, какъ бы испорченный человѣкъ. Какъ то разъ, въ Москвѣ, въ «театрѣ художниковъ» его чествовали, ему говорили рѣчи. Онъ потомъ рассказывалъ, что чуть не разсмѣялся, когда, кажется, Вл. И. Немировичъ-Данченко обратился къ нему со словами: «дорогой и глубокуважаемый». Оказывается, ему вспомнилось, какъ старый болтунъ Гаевъ, въ е

«Вишневомъ садѣ» обращается къ старому шкафу и говоритъ «многоуважаемый шкафъ».

А между тѣмъ, это былъ чуть не самый подъемный, самый трогательный моментъ чествованія. Авторъ «Скучной Исторіи» былъ похожъ на того стихотворца, испортившаго себя на памфлетахъ, которому при чтеніи самой поэтической элегіи напрашивается въ голову пародія.

Чеховъ былъ умный мужикъ, сынъ умнаго мужика, который не привыкъ и не привычалъ членовъ собственной семьи ни къ какому пафосу. Необычайно тонкій, такой нѣжный въ своихъ новеллахъ, такъ умѣвшій цѣнить нѣжность, вѣжливость, нервность, Чеховъ не могъ побѣдить въ себѣ какъ бы застѣчивости передъ патетическими чувствами и повышенными словами.

Поэтому ко всякому мудрованію, ко всякому сектантскому ученію, не исключая толстовскаго, у Чехова могло быть только одно отрицательное отношеніе. «Расчетливость и справедливость,—писалъ онъ Суворова,—говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и въ воздержаніи отъ мяса. Война—зло и судъ—зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ».

Потому же онъ положительно ненавидѣлъ профессуру, превыспреннія критическія словоизліянія, застольныхъ говоруновъ, краснобаевъ съ кафедръ, этихъ, какъ онъ выражался «копченыхъ сигаевъ». Онъ писалъ «ученую воблу», состарившагося профессора Серебрякова съ той злостью, которая для него почти неожиданна.

VII.

Если высшая задача писательства въ темпераментѣ пророка и трибуна, если писательство въ идеалѣ есть властный зовъ человечества на высоты къ отрѣшенію отъ земли, къ нахожденію иныхъ цѣнностей другого міра,—то Чехову не придется стать въ этихъ первыхъ рядахъ.

Онъ мечталъ отъ начала до конца о тихой землѣ, согрѣтой мязнествомъ,

любовью, братствомъ. Онъ никогда не соблазнился звать своего читателя къ самоотреченію отъ этихъ земныхъ благъ во имя какого-то другого невѣдомаго міра.

Біографами его достаточно исследованъ вопросъ о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на религію. Религіозное чувство онъ считалъ такимъ же талантомъ, каковы всѣ остальные, и съ сожалѣніемъ признавался, что этотъ талантъ ему не свойственъ, можетъ быть, былъ у него, но растерянъ...

Кажется, только дважды на протяжении всѣхъ своихъ книгъ онъ изобразилъ страстное влеченіе человѣка къ вѣчной правдѣ, къ вѣчной жизни.—«Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее»!..

Но не жутко-ли,—эти увѣренныя слова въ одномъ случаѣ говорить призракъ (Черный монахъ), въ другомъ—сумасшедшій (Палата № 6).

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Чеховъ всегда трезвъ, реаленъ, наученъ, и въ предѣлахъ науки все кажется ему въ точныхъ граняхъ и въ разѣ навсегда определенныхъ рамкахъ. «Когда хочется пить, то кажется, что выпьешь цѣлое море,—это вѣра, а когда станешь шить, то выпьешь всего стаканъ два—это наука».

Десять лѣтъ, пролетѣвшія со дня смерти Чехова, устанавливаютъ новыя и новыя перспективы, которыя не совсѣмъ были видны, когда передъ нами не было ни полнаго изданія его сочиненій, ни четырехъ томовъ переписки, ни его «Записной книжки», которая внимательному читателю иногда говоритъ краснорѣчивѣе и его новеллъ, и его писемъ. Сравните эту переписку съ перепиской не только Толстого, а просто Стрехова, Аксакова, сравните его записную книжку съ набросками, оставшимися послѣ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго,—и вы почувствуете разницу духовнаго и земнаго ума, духовной и земной красоты.

Что лучше—это дѣло вкуса и дѣло эпохи, но что это необычайно характерно для писателя—объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній.

А. Измайловъ.